

— Курасава-сан, простите, сколько вам лет?

— Точно не помню. Кажется, 62. Или 63.

— А сколько вы сделали фильмов?

— Двадцать пять как будто. Это будет двадцать шестой.

— Расскажите, как вы начинали. Как пришло к вам признание?

— До 50-х годов я делал фильмы, вызывавшие довольно спокойную реакцию у публики. Исключением был только «Гений дзю-до»; его сценарий я сам написал. Собственно, успех «Гения» и подогревал меня все те годы. Ситуация в японском кинематогрфе складывалась отнюдь не в мою пользу. Я сделал «Расёмон», но за него мне основательно попало от дирекции киностудии, потому что я не выдержал положенные сроки и вышел за рамки денежной сметы. И публика наравнодушно приняла «Расёмон»; сочли, что я не совсем почтительно отнесся к классике японской литературы. Некоторое время я слонялся без дела и в конце концов решил: поскольку кинорежиссер из меня не получился, пойду-ка ловить рыбу. Сидел я у воды со своей удочкой долго, но единственная рыба, клюнувшая мою приманку, оборвала леску, и я снова остался ни с чем. «Тыфу ты, и здесь не повезло!» — подумал я, вконец расстроенный, и пошел домой. Но дома меня встретила взволнованная жена и, низко поклонившись, поздравила. «С чем еще?» — раздраженно спросил я (думал, что она меня разыгрывает, тоже нашла вре-

Несколько лет назад мне довелось побывать на его съемочной площадке: в Токио на студии «Тохо» Курасава снимал «Красную бороду» с Тосиро Мифуне в главной роли.

На площадке, изображавшей квартал японского города начала XIX века —

с ручейком, крутым мостиком, фонтанчиками и домиками с раздвижными стенами, появился Курасава (верхний снимок); стремительный,

по-спортивному худощавый, в кепке с большим козырьком и темных очках. Ему было в то время за

пятьдесят, но выглядел он очень молодо.

Рассказывали, что Курасава не любит путешествовать и не мыслит, как можно работать вне родной Земли...

«Красная борода» прошла по экранам мира, наши зрители познакомились с «Расёмоном» и «Семью самураями», фильм «Под стук трамвайных колес» получил на Московском международном фестивале премию Союза кинематографистов СССР.

Недавно Курасава снова приезжал в Москву — с деловым визитом. Он подписал с «Мосфильмом» контракт о постановке картины по произведениям А. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» и «Дерсу Узала».

Толстые темные очки по-прежнему закрывают, делают непроницаемым лицо Курасава. Но отвечает он искренне, очень приветливо.

дять» на японскую почву и Шекспира, и Достоевского, и Горького. И персонажи классиков при этом выглядели так, будто родились где-нибудь на Хоккайдо. Но герои Арсеньева могут жить лишь там, где встретил их путешественник...

— Да, этих героев переселить невозможно. Страсти человеческие интернациональны, но природу Уссурийского края на Хоккайдо не снимешь: не хватает масштаба.

— Скажите, вы работаете быстро?

— По-разному. «Красную бороду» снимал два года, а «Под стук трамвайных колес» — 28 дней. Но в любом случае я люблю, чтобы при монтаже под рукой было много материала, и снимаю непременно с запасом.

— И сколько же времени потребует ваша работа над историей Дерсу Узала?

— Согласно контракту, мы обязаны завершить эту картину к началу 1975 года. Фильм

шить, стану ли с ним работать.

— Ваше пристрастие к Тосиро Мифуне свидетельствует о большой дружбе, не так ли?

— И о дружбе, и о режиссерском профессиональном интересе. Мифуне обладает особой способностью — сразу схватывать то, что мне нужно.

А в средствах актерской выразительности он раз в десять превосходит всех известных мне исполнителей. Важно и то, что он сам по себе отличный человек — честный, трудолюбивый, добрый.

— Вы сказали — добрый. В ваших фильмах обычно переплетаются так тесно доброта и жестокость...

— Жестокость, говорите вы? Но ведь художник, если он стремится быть правдивым, не может показать действительность иной, чем и доброй, и жестокой, и правдивой, и лживой, и мудрой, и сложной. Я всегда стремился работать так, чтобы зритель выходил из зала потрясенным и обновленным. В этом, на мой взгляд,

ленты «Семь самураев». Это было трогательно! Молодые советские кинематографисты (Тарковский по возрасту мог бы быть моим сыном!) знают то, что мне дорого...

— Прежде вы часто черпали сюжеты в истории...

— Я много раз сталкивался с тем, что при обращении к современности приходится преодолевать огромное сопротивление материала. Плотная ткань дней, которая окружает нас, трудно поддается интерпретации художника, приходится терпеть упреки: одно неверно, другое неточно, это не так воспроизведено, а то чересчур гиперболизировано.

Возникают ненужные споры о мелочах. Зачем они мне, эти мелкие споры? Между тем свои раздумья, мысли о добре и зле можно воплотить и на материале прошлых, далеких лет. Разве история не помогает нам утвердиться в могуществе человека?

— Не опасаетесь ли вы «сопротивления» образов Арсеньева?

— Некоторое «сопротивление» при экранизации неизбежно. Но я уверен, что мы вместе с моим соавтором его преодолеем.

Юрий Нагибин, соавтор Акиры Курасава по сценарию, вступил в нашу беседу:

— Раз уж получилось, что и я неожиданно попал в «гости на 13-ю страницу», то хочу дополнить Курасава-сан. «Сопротивление» великодушных книг Арсеньева с точки зрения кинематографической заключается в том, что эти книги поэтичные, умные, но без драматургии. Путешествия автора интересны не галантными приключениями: но что за фильм без женщин? — говорят нам. Словом, придется поломать голову, чтобы, сохранив всю прелесть Арсеньева, организовать материал в почти трехчасовое кинозрелище, в котором зритель до самого финала не потеряет интереса.

— Как можно потерять интерес к такому захватывающему сюжету! — замечает Курасава. — Образ Дерсу столь обаятелен! Недаром я носил его в сердце целых тридцать лет. Кроме того, в мыслях уже то и дело возникают кинематографические образы. Например, я довольно четко представляю себе начало фильма, которое должно сразу настояжить и вызывать любопытство зрителя. Мое имя —

«Акира» в иероглифическом написании означает «Солнце и луна»; «Курасава» — «черная долина». То есть «Луна и солнце над черной долиной». У Арсеньева есть эпизод: Дерсу шагает по равнине и видит одновременно садящееся за горизонт солнце и восходящую луну. И я ясно вижу, как окрашена багрянцем трава там, где садится солнце, и как переливается серебристая листва кустарника со стороны поднимающейся луны; Дерсу шагает между ними и говорит, развивая свою нехитрую, но мудрую философию. Как можно потерять интерес к такому сюжету!

— Очевидно, вам обоим в связи с работой над фильмом самим предстоит стать путешественниками?

— Конечно! — в один голос, по-русски и по-японски, ответили соавторы. — Мы собираемся совершить летом большое странствие.

— А сейчас я должен попрощаться, — сказал Акира Курасава. — Мой самолет уже, наверное, выгружает на взлет!

Если бы на чемодане японского режиссера были наклейки, которыми так дорожат иные туристы, они свидетельствовали бы о том, что, вопреки слухам, он любит путешествовать. А перспектива вскоре снова приехать в нашу страну нашего гостя явно радовала. Это было понятно без всяких дополнительных заверений.

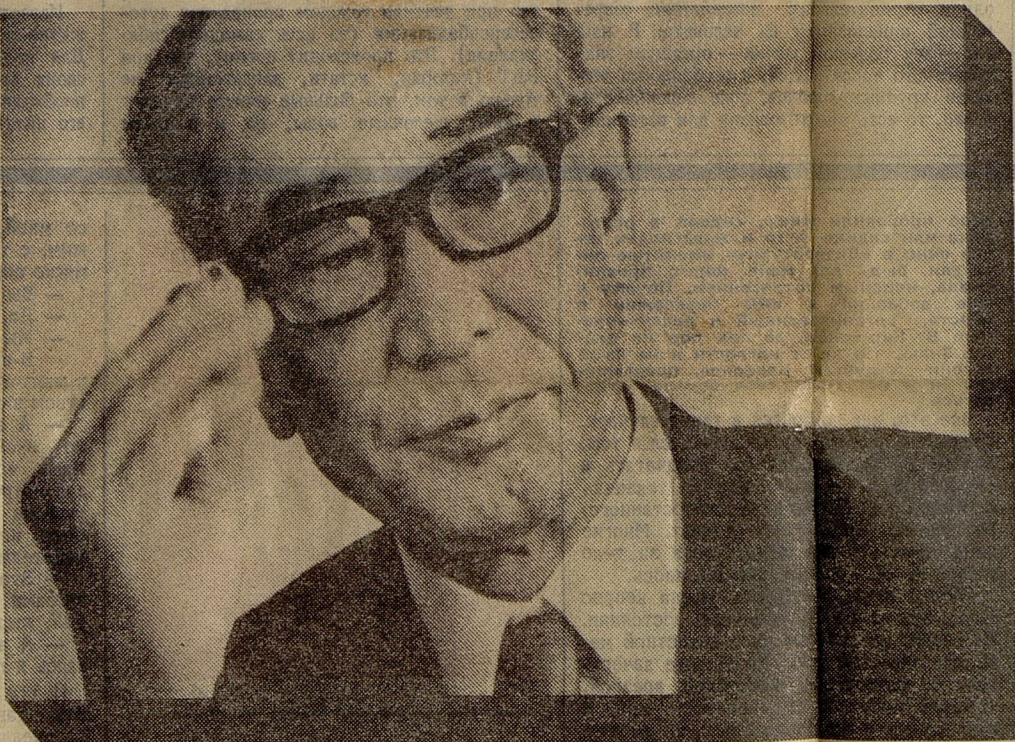
Гостя принимала Наталья КОЛЕСНИКОВА.

Его ответы перепечатаны М. ДОЛЯ.

Фото В. Ахлюмова и Н. Колесниковой.

АКИРА КУРОСАВА

ГОСТЬ
13-й
СТРАНИЦЫ

мя!). Но оказалось, «Расёмон» получил Гран-при на Венецианском кинофестивале! Я еще долго не мог поверить в удачу.

— Ваше решение сотрудничать с советскими кинематографистами продиктовано деловыми соображениями?

— Видите ли, в Японии я не имею возможности снимать то, что мне бы хотелось. Точнее — у меня нет возможности вообще делать фильмы. Вы, наверное, знаете: я пробовал работать в Голливуде, но вынужден был расторгнуть контракт, и пришлось выплачивать неустойку. Сумма была крупная, я сразу залез в долги. Заложил свой дом и на эти деньги сделал фильм «Под стук трамвайных колес». Но он не оправдал себя, компания забрала львиную долю дохода. Так что я не смог даже выкупить свой дом. Короче говоря, не было никаких перспектив, и я почувствовал, что просто не в силах больше бороться. (Если присмотреться, на щеке Курасава заметен длинный шрам: он пытался покончить с собой в порыве отчаяния, нанес себе шестнадцать ран). Я был отчаянно зол на близких и друзей, которые сделали все, чтобы спасти мне жизнь. Но сейчас благодарен близким: исполняется моя давнишняя мечта — сделать фильм о Дерсу Узала! Советская кинематография создала мне идеальные, сказочные условия для работы. Я чувствую удивительно бережное отношение к себе, и утерянные за все эти годы душевный покой и уверенность постепенно возвращаются ко мне. Я даже

поправился на два килограмма за несколько дней!

— Курасава-сан, почему в ваших фильмах отводятся столь незаметная роль женщине?

— У меня были фильмы — правда, сделанные достаточно давно, — в которых женщины играли главные роли. Да и как можно обойтись без женщин, допустим, в экранизациях русской классики или Шекспира?

Мне нравятся женщины с яркой индивидуальностью, цельные и чистые образы, такие, к примеру, как Настасья Филипповна и Аглая у Достоевского.

— Вам удавалось «переса-

большой — на два с половиной часа, цветной, широкоэкранный.

— Кто исполнит главные роли?

— Очень хочу в роли Дерсу снимать Тосиро Мифуне. Об остальных исполнителях пока не знаю. Я видел много советских фильмов, смотрю все, что выходит в Японии на экран. Но одно дело видеть актера в роли на экране, а другое — знать его и человеческую его сущность. Прежде чем сделать окончательный выбор, я должен познакомиться с актером, хорошенько побеседовать и только после этого могу ре-

миссия искусства! В свое время, в юности, когда я был всего-навсего молодым помощником режиссера, меня потрясли книги Арсеньева: он сумел рассказать о глубочайшей любви к природе и о том, как жесток бывает и ней человек. Человек и природа — да это прямо-таки шекспировская тема, и она звучит в наше время так актуально!

В Москве в этот приезд я посмотрел фильм «Солярис» Андрея Тарковского. Считаю эту картину очень интересным произведением, в котором тема «человек — природа — познание» трактуется, на мой взгляд, в весьма современном аспекте. В нем-то этот фильм мне близок, я сказал это Тарковскому, и в ответ он спел мне мелодию из моей старой